

Глава 7

Вернувшись вечером в свой дворик, Шэнь Лоухань так и не смог заснуть.

Виной тому было смертоносное оружие, лежавшее прямо у него под ухом.

Меч Вспугнутого Лебедя.

Шэнь Лоухань косился на Меч Вспугнутого Лебедя. О таком бессмертном клинке мечтали тысячи заклинателей, ему же от одного вида легендарного артефакта грозили ночные кошмары — что уж говорить о перспективе делить постель с Цзинхуном.

Но и выбросить драгоценность он не мог. Приходилось корчить из себя искренне признательного и счастливого ученика. Какая тошнотворная фальшь.

Ночь становилась всё глубже. В конце концов молодое, не закалённое ещё тело взяло своё, и Лоухань провалился в тяжёлый, мутный сон.

Как и следовало ожидать, в полузабытии его терзали лихорадочные видения: то он снова оказывался в Демонической тюрьме, где его плоть терзали полчища тварей, то перед глазами всплывал образ угасающего, немощного Лу Гуйсюэ.

Утром Шэнь Лоухань поднялся с постели с тёмными кругами под глазами.

Если так пойдёт и дальше, он сойдёт с ума гораздо раньше, чем успеет отомстить Лу Гуйсюэ.

Решение пришло само собой: Меч Вспугнутого Лебедя нужно вернуть. Так он и избавит себя от пытки, и закрепит в глазах наставника образ почтительного ученика.

Раз уж приходится играть комедию, стоит выложиться по полной.

После ночи, отравленной кошмарами, Шэнь Лоухань наконец прояснил для себя порядок действий.

Вчерашняя забота и мягкость — лишь дымовая завеса. В этой жизни Лу Гуйсюэ лишился духовных сил и больше не способен подчинить ученика силой, вот и решил разыграть карту искренней привязанности. Но конечная цель осталась неизменной.

Что ж, хочешь изображать трогательную любовь между учителем и учеником?

Я сыграю с тобой. Посмотрим, кто кого переиграет в этой жизни.

Шэнь Лоухань сжал зубы, взгляд его заледенел. Подняв с подушки Меч Вспугнутого Лебедя, он толкнул дверь и направился к соседнему дворику, где жил Лу Гуйсюэ.

Проходя мимо пруда в переднем дворе, он заметил толстого карпа кои, высунувшего из воды мордочку. Рыба, явно остававшаяся в полном восторге от вчерашнего угощения, вильнула пышным хвостом, приветствуя юношу.

Лоухань миновал двор, прошёл по крытой галерее и уже занёс руку, чтобы постучать в дверь кабинета, как вдруг уловил доносившиеся изнутри голоса.

Кто мог прийти к наставнику в такую рань?

Он замер, затаив дыхание, и прислушался.

— Шибён сегодня решил навестить меня? — Лу Гуйсюэ только-только проснулся, его голос звучал лениво и чуть растянуто, с мягкими, тягучими нотками.

«Чересчур фамильярно», — строго подметил про себя Лоухань.

Напротив Гуйсюэ сидел Се Чжэфэн. Даже во время неторопливой беседы он держал осанку прямой как сосна, без малейшего намёка на расслабленность, что разительно контрастировало с вальяжной позой хозяина дома.

— Я намеревался зайти раньше, — произнёс Се Чжэфэн. — Но Учитель запретил, опасаясь потревожить твой покой.

— Со мной уже всё в порядке. За эти полгода, под опекой Учителя и старшей сестры, я вполне оправился, — Лу Гуйсюэ налил чашку чая и пододвинул её гостю.

Се Чжэфэн был классическим мечником-карьеристом, для которого главным смыслом жизни оставалось самосовершенствование и постижение высших пределов Меча. Проявлялось это во всём: пока другие развлекались — он полировал мастерство; пока другие предавались делам любовным — он точил клинок; пока вокруг плели интриги — он непреклонно следовал Пути Меча.

И ладно бы просто усердие, так ведь Небеса наделили его редчайшим Врождённым Телом Меча и наивысшим духовным корнем.

Эдакое воплощение кошмара любого заклинателя: мало того что он талантливее тебя, так ещё и вкалывает в десять раз больше.

В прошлой жизни узы товарищества между Лу Гуйсюэ и Се Чжэфэном ковались в

непрестанных поединках. У них никогда не было душевных разговоров — всё братство соучеников строилось исключительно на обсуждении искусства меча и постижении Дао.

Именно в этом здоровом соперничестве и закалился дуэт, который позже весь мир стал уважительно звать «Два меча Цюншани».

Если на всей горе Цюншань и найдётся человек, которого до глубины души возмущала превращающаяся в привычку праздность Лу Гуйсюэ, то это, без сомнения, Се Чжэфэн.

Бессмертный достопочтенный Юньлань прекрасно знал суровый нрав своего ученика, а потому заранее запретил ему навещать младшего брата — боялся, что прямолинейность Се Чжэфэна заденет и без того хрупкую душевную гармонию Гуйсюэ.

— Где твой меч? — Се Чжэфэн оглядел кабинет. Стойка, на которой всегда покоился Меч Вспугнутого Лебедя, пустовала.

Лу Гуйсюэ, грея ладони о чашку горячего чая, непринуждённо ответил:

— Отдал ученику.

— А как же ты? — мгновенно отозвался Се Чжэфэн. — Это же твой связанный меч!

Даже когда всегда хладнокровный и сдержанный Се Чжэфэн сорвался на тревожные расспросы, Лу Гуйсюэ сохранял полное спокойствие.

— Я понимаю, — мягко произнёс он. — Духовный меч даётся один на всю жизнь, второго не будет. Но сейчас Меч Вспугнутого Лебедя бесполезно пылится без дела. Клинок не должен ржаветь со мной за компанию. Лучше пусть послужит А-Ханю.

Затаившийся за дверью Шэнь Лоухань опустил взгляд на зажатое в руке оружие.

Ещё четверть часа назад он горел желанием вернуть легендарный клинок владельцу.

Однако теперь, уловив недовольство в речах Се Чжэфэна, Лоухань вспылал чистейшим упрямством.

Раз уж старший соученик против того, чтобы Меч Вспугнутого Лебедя достался Шэнь Лоуханю, значит, Лоухань заберёт его себе любой ценой! Это подарок Лу Гуйсюэ. Это дело исключительно их двоих, наставника и ученика. Какое право имеет этот Се Чжэфэн вмешиваться?

Шэнь Лоухань крепче сжал рукоять и приготовился слушать дальше.

— Шибён, я знаю, что ты желаешь мне добра. Но моё нынешнее положение... ты и сам понимаешь, — Лу Гуйсюэ решил не уходить от темы и назвать вещи своими именами.

Окружающие полагали, будто потеря возможности совершенствоваться повергла его в уныние, но на самом деле Лу Гуйсюэ сознательно сделал этот выбор.

А потому не испытывал ни капли горечи.

Се Чжэфэн молча слушал его, непроизвольно постукивая пальцами по пиале — явный признак редчайшего для него раздражения.

Помолчав, он вдруг предложил:

— А если пройти через переплавку костей и очищение жил? Если раны не поддаются исцелению, можно перековать тело заново. Я найду все необходимые редкие снадобья и материалы.

«Ну уж нет, — мысленно ужаснулся Лу Гуйсюэ. — Я кое-как отговорил Учителя от идеи очистить мою кровь, чтобы сохранить ключевой квестовый артефакт — кровь цзяоиня. Только не начинай всё по новой!»

— Не стоит, шибён, — вздохнул Лу Гуйсюэ, обняв себя за плечи с видом человека, которому тяжело говорить о прошлом.

— Но почему... — начал было Се Чжэфэн, но вовремя заметил собственный резкий тон и осёкся.

— Это слишком больно, шибён. Боюсь, я просто не выдержу, — ляпнул первое попавшееся оправдание Лу Гуйсюэ. Правда, тут же осознал, насколько лениво и малодушно это прозвучало, и испугался, что Се Чжэфэн всерьёз разозлится.

И действительно — выражение лица старшего брата мгновенно изменилось.

Его брови сошлись к переносице.

Виновато отпив чая, Лу Гуйсюэ поднял взгляд и наткнулся на этот хмурый взор. Напиток мгновенно потерял всякий вкус.

Это был застарелый рефлекс, травма прошлых лет.

Раньше Лу Гуйсюэ, как и Се Чжэфэн, шёл путём меча. А поскольку Се Чжэфэн являлся его старшим соучеником, в первые годы обучения именно он принимал у Гуйсюэ все зачёты по фехтованию.

Се Чжэфэн в роли наставника наводил куда больший страх, чем все преподаватели Зала Познания Дао вместе взятые.

На Цюншани до сих пор ходила мрачная байка, состоящая всего из одного вопроса: «Ну что, брат, тебе тоже в этом году выпало сдавать экзамен по мечу Бессмертному господину Се?»

Из-за этого Лу Гуйсюэ до сих пор чувствовал себя перед ним как провинившийся школьник перед строгим директором. Стоило Се Чжэфэну сдвинуть брови, как у Гуйсюэ начинали поджиматься поджилки.

— И только поэтому?! Ты готов до конца дней оставаться немощным смертным лишь из страха перед болью?!

Лу Гуйсюэ невольно выпрямил спину и неуверенно кивнул.

Хруст!

Чашка, которую он только что поднёс Се Чжэфэну и к которой тот даже не прикоснулся, мгновенно разлетелась в пыль.

— Смертные подвержены болезням, старости и увяданию! Их век короток! Я не хочу, чтобы ты...

Се Чжэфэн давным-давно не испытывал подобного яростного гнева.

В его ушах снова эхом отозвались грязные, глумливые речи, срывавшиеся с губ тех заносчивых барчуков на Террасе Синих Облаков.

Тогда Се Чжэфэн сделал всё, чтобы эти мерзости не долетели до ушей Гуйсюэ, да и сам старался о них не вспоминать.

Лу Гуйсюэ понимал, что старший соученик расстроится, но не ожидал столь бурного всплеска ярости. Потерявшись, он лишь растерянно хлопал глазами и тихим, кротким голосом выдохнул:

— Шибён...

На самом деле он отлично знал: стоит лишь снять печать и вернуть облик цзяоиня, как древняя

кровь подарит ему почти бесконечную жизнь. Вот только объяснить это Се Чжэфэну он сейчас никак не мог.

Се Чжэфэн внезапно опомнился. Взглянув на развороченную чайную посуду и растерянного Лу Гуйсюэ, он осознал, что совершил ошибку.

Он не имел права срывать гнев на оправившемся после тяжёлой болезни младшем брате.

—... Я перешёл грань, — ровно выговорил Се Чжэфэн и, избегая сочувственного взгляда Гуйсюэ, стремительно направился к выходу.

У самого порога он столкнулся с поджидавшим его Шэнь Лоуханем.

Шэнь Лоухань прекрасно понимал: при высоком уровне духовного развития Се Чжэфэна тот давным-давно уловил его присутствие за дверью, а потому даже не думал прятаться.

Се Чжэфэн, и без того терзаемый тяжёлыми мыслями о судьбе Гуйсюэ, при виде Меча Вспугнутого Лебедя в руках юноши почувствовал, как в груди закипает горечь.

В горле будто застрял ком. С трудом сдержав порыв, он вымолвил:

— Раз уж ты всё слышал... будь достоин своего наставника.

— Слушаюсь. Доброго пути, шибо Се, — с почтением отозвался Шэнь Лоухань.

Внешне он оставался невозмутимым, но внутри ликовал, наслаждаясь размолвкой между соучениками.

Даже Меч Вспугнутого Лебедя в его руках вдруг показался не таким уж и мерзким.

<http://bllate.org/book/20383/2111722>